

DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

УДК 314.727.2(571.6), ББК 60.7(255)

© Мищук С.Н., Рязанцев С.В.

Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века

**Светлана Николаевна
МИЩУК**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: svetamic79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

**Сергей Васильевич
РЯЗАНЦЕВ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: riazan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5306-8875; ResearcherID: F-7205-2014

Аннотация. Около четверти населения Дальневосточного федерального округа, занимающего 40,6% от площади России, проживает в сельской местности. Очевидно, что сельское население и его миграционная подвижность в таком крупном регионе будут иметь территориальные различия. Цель исследования – провести пространственный и временной анализ динамики, факторов миграционных процессов в сельской местности Дальневосточного федерального округа РФ. Работа основана на анализе официальных статистических данных. С учетом того, что вероятно трансформация структурных характеристик миграционных потоков в результате использования с 2011 года новой методики учета внутренней миграции, рассмотрен период с января 2012 по январь 2020 года. Показано, что миграция играет решающую роль в формировании численности сельского населения. На начало 2020 года в округе отмечается рост интенсивности

Для цитирования: Мищук С.Н., Рязанцев С.В. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

For citation: Mishchuk S.N., Ryazantsev S.V. Migration of rural population of the Russian Far East at the beginning of the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

миграционных процессов в сельской местности, однако сохраняется миграционная убыль населения. Основная часть мигрантов из сельской местности оседает в пределах Дальневосточного федерального округа, преимущественно в городах. Поток мигрантов из города в село сохраняет статистическую значимость, но не соответствует территориальной структуре миграционного оттока сельских жителей. Исходя из соотношения миграционной и естественной убыли (прироста) населения, авторами разработана классификация сельской местности в субъектах Дальневосточного федерального округа на 2011 и 2019 гг. Проанализированы причины прибытия и выбытия сельского населения. Большинство мигрантов прибывают после временного отсутствия, выбывают по причинам личного и семейного характера. На примере приграничного региона показано влияние динамики миграционных процессов на развитие сельской местности и сельского хозяйства в условиях дефицита трудовых ресурсов и ограничений международных перемещений трудовых иммигрантов.

Ключевые слова: сельское население, сельская местность, миграция, типология сельской местности, компоненты миграции, коэффициенты миграции, Дальний Восток.

Введение

Современная сельская местность неоднородна, некоторые территории могут иметь свои особенности экономического и социокультурного развития. Для Дальневосточного федерального округа РФ (ДФО) характерна дифференциация регионов по экономическим, социальным, культурным и другим показателям, что отражается на характеристиках сельского населения и сельской территории.

На начало 2020 года около 25% всего населения ДФО проживало в сельской местности, что составляло около 6% от численности сельского населения всей России. Миграционные процессы на Дальнем Востоке (ДВ) с 1991 по 2019 год подробно изучались в работах исследователей, однако в большинстве случаев оценка проводилась без деления на городское и сельское население [1; 2; 3]. Чаще всего особенности сельской местности рассматриваются в рамках общероссийских исследований. Например, сельская миграция и сельская местность в рамках общероссийских и региональных исследований с точки зрения геодемографической динамики населения сельской местности и трансформации сельского расселения, подробно анализировались в трудах Н.В. Зубаревич, А.И. Алексеева, С.Г. Сафронова, С.Я. Сушского [4; 5; 6], распределение трудовых ресурсов в сельской местности представлено в работе Т.Г. Нефедовой, Н.В. Мкртчяна [7]. Влиянию иностранных трудовых мигрантов и инвестиций на развитие сельской местности посвящены коллективная работа [8], а также исследования Джаи Чжоу [9], А. Хостмана и др. [10].

Типология сельской местности представлена у Н.В. Зубаревич [4], Д.О. Егоровой, В.С. Шурупиной [11] и др. В перечисленных работах, как и в большинстве других, сельское население и сельская местность Дальнего Востока не выделялись в качестве отдельного объекта исследования. Для Дальнего Востока значимым явлением на протяжении последних нескольких десятков лет выступает международная трудовая миграция. Изучение миграционных потоков из Китая на Дальний Восток России составляет одно из популярных направлений научных исследований среди специалистов, рассматривающих миграцию в данном регионе. К этому вопросу обращались не только российские, но и зарубежные исследователи [9; 12].

Если говорить о современных мировых тенденциях в изучении сельской местности и сельского населения в целом, то можно отметить рост внимания к социально-экономическим факторам (низкий уровень жизни сельского населения, бедность, низкий уровень доступности социальных услуг, высокий уровень безработицы в сельской местности), которые выступают значимыми условиями для выбытия сельского населения в городскую местность [13–16]. Существенными выталкивающими факторами являются отсутствие у сельских жителей земельных участков или их незначительная площадь, низкое плодородие земель, расширение площадей сельскохозяйственных земель у крупных арендаторов [17; 18; 19]. В исследованиях подчеркивается важная роль образования в снижении уровня миграции из села в город [20; 21; 22].

В современных зарубежных эмпирических исследованиях уделяется большое внимание изучению возвратной миграции из города в село [23], служащей возможностью для развития сельской местности. Основные причины и преимущества возвращения мигрантов в сельскую местность могут касаться более широких возможностей для трудоустройства молодежи, получившей образование [22], выравнивания уровня жизни между городом и сельской местностью, что снижает привлекательность жизни в городе [23]. В современных условиях и ограничениях, связанных с распространением вируса COVID-19, доля возвратных мигрантов из сельской местности может возрасти. В Китае идея о вероятности возвратной миграции в сельскую местность и необходимости использовать эту возможность для закрепления сельского населения озвучивалась весной 2020 года¹.

Отметим, что большинство исследований сельской местности и сельского населения на Дальнем Востоке России носят локальный характер, затрагивая отдельные субъекты или различные временные периоды, что не позволяет их сопоставить для оценки ситуации в целом по ДФО. Например, проблема воспроизводства кадрового вопроса в сельском хозяйстве рассмотрена в работах Е.В. Корякиной, Е.Н. Тужиловой, Г.И. Даяновой, Л.Д. Протопоповой, И.К. Егоровой и др. [24; 25], возможности повышения роли социально-ориентированных направлений развития села в Амурской области изучала Н.П. Кузьмич [26], особенности сельско-городской миграции в Республике Саха (Якутия) показаны С.А. Сукневой, А.В. Трубиной [27], перспективы развития предпринимательства в сельской местности Приморского края отражены Е.Г. Гусевым и Г.И. Шуман [28].

Цель нашей работы – провести пространственный и временной анализ динамики миграционных процессов в сельской местности Дальневосточного федерального округа РФ и его субъектов, а также дать оценку роли миграции как важного компонента изменения численности сельского населения. Принимая во внимание вероятность трансформации структурных характеристик миграционных потоков

¹ В чем причина «возвращения» трудовых мигрантов в 2020 году? URL: https://k.sina.cn/article_1655703524_62b007e400100po0x.html (дата обращения 15.10.2020).

в результате использования новой методики учета внутренней миграции, действующей с 2011 года [29], мы анализировали большинство статистических данных за период с января 2012 по январь 2020 года.

Методы и методика исследования

Учитывая разнообразие подходов к определению миграции населения, в работе рассмотрена часть постоянной миграции сельского населения, которая представляет собой совокупность территориальных перемещений между селом и городом, городом и селом, селом и селом, сопровождающихся переменой места жительства на относительно продолжительный срок [30, с. 17]. Такой подход объясняется применением статистических данных, не позволяющих учесть сезонную миграцию, маятниковые поездки населения, путешествия, туризм. Согласно демографическому подходу, миграция не только воздействует на изменения демографического развития, но и отражает экономические, политические, географические и другие аспекты развития общества. В первой части исследования оценено изменение численности сельского населения по компонентам, включая естественное и миграционное движение, а также роль миграционно-территориальных преобразований. Во второй части представлены результаты анализа миграционного движения населения в отношении безвозвратной миграции, основанные на существующем методическом аппарате, применяемом в рамках методологического подхода к изучению миграционных процессов [31, с. 281]. Проведен анализ величины и объема миграционных потоков, интенсивности миграционных потоков за период с 2010 по 2019 год, выявлены основные направления миграции, проанализировано миграционное поведение в разрезе факторов миграции населения. Кроме того, на основе сравнительного анализа полученных данных о динамике естественного и миграционного прироста сельского населения предложена классификация субъектов ДФО по данным на 2011 и 2019 гг.

Анализ миграционных процессов проведен на федеральном и региональном уровнях. Подробный анализ миграционных процессов в сельской местности на локальном уровне в статье не представлен, однако работа по сбору статистических данных на локальном уровне позволила выявить некоторые методические

сложности. В базе данных «Показатели муниципальных образований» информация агрегирована по муниципальным районам, муниципальным округам, городским округам, городским и сельским поселениям, межпоселенным территориям, что соответствует Федеральному закону № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции от 01.05.2019 г. № 87-ФЗ). Такое деление не соответствует в полной мере оценке потоков сельского и городского населения, т. к. в результате происходящих в административно-территориальной системе изменений часть сельского населения проживает не в сельских поселениях и является невидимой для анализа миграции сельского населения. Процент неучтенных сельских жителей различается по регионам. При сопоставлении статистических данных по числу сельских жителей в ДФО² и числу населения, проживающего в сельских поселениях³, выяснилось, что на начало 2020 года в округе численность сельского населения на 14,1% превышала численность населения, проживающего в сельских поселениях. По отдельным субъектам данное соотношение достигает 100% (Сахалинская и Магаданская области), 36,7% в Приморском крае, 35,2% в Чукотском автономно округе, 13,1% в Еврейской автономной области. Такие различия в показателях деформируют информацию о расселении сельского населения, т. к. указанная часть сельского населения находится за пределами сельских поселений. Кроме того, при анализе потоков миграции сельского населения (внутрирегиональный, межрегиональный, международный) в рамках административно-территориальных единиц перемещения указанной доли сельского населения не будут учтены.

В работе использовались системный подход, метод обобщения, картографический метод, анализ статистических, литературных, эмпирических данных о динамике миграционных процессов в сельской местности Дальнего Востока России.

² Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

³ Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Результаты исследования

Общая характеристика сельского населения Дальневосточного федерального округа

Доля сельского населения в ДФО составляет около четверти от общей численности населения округа. В результате включения в состав ДФО в ноябре 2018 года двух субъектов — Республики Бурятия и Забайкальского края — данный показатель увеличился на 2,87 п. п. На начало 2020 года сельское население ДФО составляло 5,9% от общей численности сельского населения России.

Динамика изменений в характеристике сельского населения ДФО в сравнении с другими округами РФ за период с 2011 по 2020 год в целом не отличается от общей ситуации. Анализ данных по девяти субъектам ДФО на начало 2018 года и одиннадцати субъектам на начало 2020 года свидетельствует о сохранении седьмого ранга ДФО по показателю «средний возраст сельского населения». В абсолютных значениях рост по данному показателю составил 0,09 года.

На начало 2020 года ДФО занимал 4 место по доле сельского населения в общей численности населения. Абсолютные значения данного показателя по округу с 2018 по 2020 год выросли с 24,25 до 27,1%.

Существенно изменилось число жителей нетрудоспособного возраста на 1000 жителей трудоспособного возраста. Если на начало 2011 года ДФО по этому показателю занимал последнее (8) место среди федеральных округов, то уже к началу 2018 года — 7 место. На начало 2020 года, имея в составе 11 субъектов, ДФО занял 5 место среди федеральных округов, что отражает увеличение демографической нагрузки на его трудоспособное население (табл. 1).

Включение в состав ДФО Республики Бурятия и Забайкальского края обеспечило рост численности сельского населения округа почти на 740 тыс. человек на начало 2019 года, городского населения — 1310 тыс. человек. Однако уже к началу 2020 года численность населения сократилась.

В разрезе субъектов ДФО на начало 2020 года, как и на начало 2012, максимальное число сельских жителей проживало в Приморском крае (19,4% от общего числа сельских жителей в ДФО). Второе место ранее занимала Республика Саха (Якутия), однако после 2018 года второе место перешло к Республике

Таблица 1. Ранжирование федеральных округов РФ по показателям развития сельской местности на начало 2012, 2018 и 2020 гг.

Показатель	Год	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Доля сельского населения в общей численности населения региона, %	2012	26,1	18,4	16,3	37,5	50,8	28,9	19,8	27,8	25,1
	ранг		7	8	2	1	3	6	4	5
	2018	25,6	17,8	15,6	37,4	50,2	28,1	18,6	26,9	24,2
	ранг		7	8	2	1	3	6	4	5
	2020	25,3	17,7	15,1	37,2	49,7	27,8	18,4	25,7	27,1
ранг		7	8	2	1	3	6	5	4	
Средний возраст населения, лет	2012	38,96	42,21	41,08	39,32	32,65	40,27	38,70	37,87	36,23
	ранг		1	2	4	8	3	5	6	7
	2018	39,92	42,98	42,1	40,37	33,77	41,45	39,54	38,61	37,39
	ранг		1	2	4	8	3	5	6	7
	2020	40,41	43,38	42,48	40,89	34,35	42,05	40,02	39,45	37,48
ранг		1	2	4	8	3	5	6	7	
На 1 тыс. жителей трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных, чел.	2012	713	731	693	708	685	725	719	726	655
	ранг		1	6	5	7	3	4	2	8
	2018	864	859	869	846	768	886	927	932	830
	ранг		5	4	6	8	3	2	1	7
	2020	846	835	849	828	751	876	913	921	836
ранг		6	4	7	8	3	2	1	5	
На 100 мужчин приходится женщин, чел.	2012	1090	1133	1076	1103	1079	1087	1085	1076	990
	ранг		1	6	2	5	3	4	6	7
	2018	1073	1108	1054	1099	1067	1061	1069	1060	984
	ранг		1	7	2	4	5	3	6	8
	2020	1068	1099	1046	1095	1063	1054	1064	1063	991
ранг		1	6	2	4	5	3	4	7	

Примечание: чем выше значение показателя, тем выше ранг.
Составлено по: Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Бурятия (18,2% сельских жителей от показателей по ДФО на начало 2020 г.). В 2019 году в пяти субъектах ДФО доля сельского населения в общей численности населения региона превышала 30% (Республика Саха (Якутия), Амурская область, Еврейская автономная область, Республика Бурятия и Забайкальский край). Республика Бурятия лидирует по числу сельских жителей на 1000 горожан и по доле сельских жителей (40,8%). Минимальная доля сельского населения в общей численности населения региона отмечена в Магаданской области (3,93% в 2019 г.).

Компоненты изменения численности сельского населения

В формировании численности сельского населения учитывается три компонента: миграционные процессы, естественное движение населения, а также муниципально-территориальные преобразования (МТП).

Изменение численности сельского населения в меньшей степени, чем городского, зависит от динамики естественного движения населения (рис. 1).

Естественный прирост не компенсирует отрицательные значения миграционных процессов. За период с 2008 по 2019 год суммарный естественный прирост сельского населения Дальнего Востока составил 12,8 тыс. человек, в то время как миграционная убыль – 178 тыс. человек. В отдельные годы фиксируется прирост численности сельского населения в рамках МТП.

Анализ миграции в ДФО осложняется изменениями не только в статистическом учете мигрантов в 2011 году, но и расширением территориальных границ округа в ноябре 2018 года. Изменения в статистическом учете миграции привели к более значительному росту показателей в городской местности в 2011 году по

Рис. 1. Компоненты изменения численности постоянного сельского населения ДФО за 2008–2019 гг., чел.

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

отношению к 2010 году. Территориальные изменения отразились на показателях сельской местности (рис. 2).

Рассматривая направления миграции, отметим, что в разрезе федеральных округов основной поток мигрантов сосредоточен в рамках самого Дальнего Востока. В пределах ДФО перемещаются 86% сельских мигрантов, и лишь 14% выбывают за пределы округа. В 2019 году из сельской местности около 28% переехали в аналогичный тип поселений. Доля мигрантов, выбывающих и прибывающих в сельскую местность, в 2019 году составила 8,9% от общего числа мигрантов в округе, или 28% от числа мигрантов, выбывающих из сельской местности.

Почти три четверти мигрантов из сельской местности выбывают в города ДФО. В то же время отмечается обратный поток мигрантов из городской местности округа в сельскую, который компенсировал миграционный отток сельских жителей в 2019 году на 88,8%. Отметим, что данные показатели могут не говорить об отсутствии проблем вымывания сельского населения. Вероятно, мигранты из городской местности переезжают в пригороды, имеющие статус сельской местности, где инфраструктура и качество жизни уступают городскому уровню, но значительно лучше, чем в сельской глу-

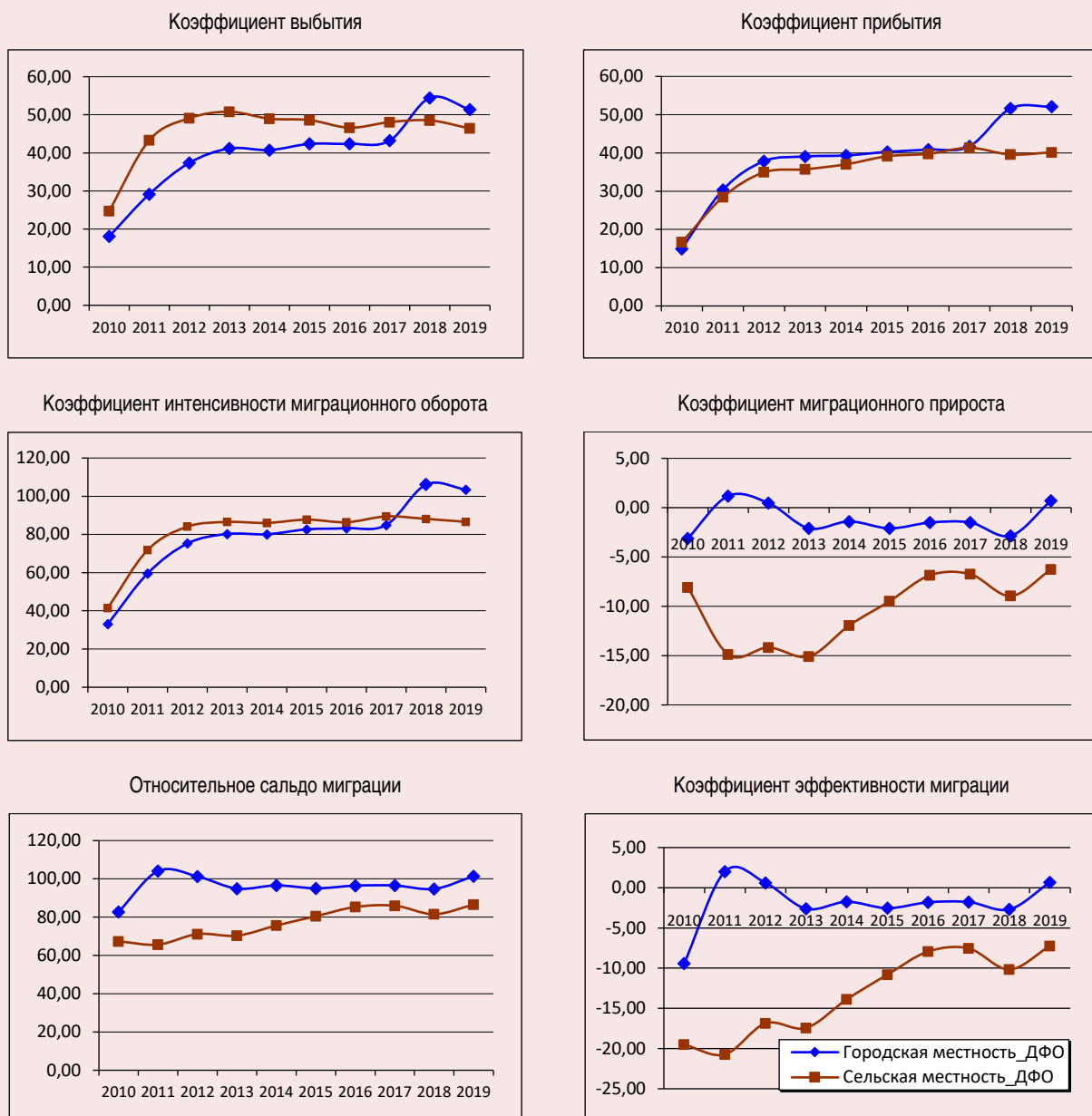
бинке. Кроме того, услуги и тарифы в сельской местности ниже городских, что мотивирует население переезжать из городов в пригороды, относящиеся к сельской местности.

Вторым направлением миграции из сельской местности ДФО является Сибирский федеральный округ, доля которого в 2019 году составила 4,4% (в 2013 г. 4,6%) от числа дальневосточных сельских мигрантов, выбывших в сельскую местность. Третье и четвертое места занимают Южный и Центральный федеральные округа (3,3 и 2,2%). Доля других федеральных округов незначительна.

Таким образом, несмотря на увеличение потока мигрантов из сельской местности, в настоящее время основная их часть оседает в субъектах ДФО, преимущественно в городской местности. Поток мигрантов из города в село сохраняет свою статистическую значимость, однако не соответствует территориальной структуре миграционного оттока сельских жителей.

В 2019 году положительные значения большинства коэффициентов во многом объяснялись не улучшением миграционной ситуации, а показателями муниципально-территориальных преобразований, объем которых составил почти 9 тыс. человек. В отдельные годы МТП оказывали существенное влияние на динами-

Рис. 2. Коэффициенты миграции в сельской и городской местности ДФО, 2010–2019 гг., на 1000 человек

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

ку численности сельского населения. В период с 2008 по 2019 год на Дальнем Востоке (с учетом данных по двум новым субъектам в 2018 и 2019 гг.) рост числа сельского населения из-за МТП составил 25,3 тыс. человек.

В региональном разрезе с 2008 по 2019 год чаще всего МТП происходили в Амурской области (2008, 2009, 2012, 2013 гг.), однако макси-

мальный прирост числа сельских жителей за счет МТП отмечался в Камчатском крае (+6261 человек) (табл. 2).

В 2019 году Забайкальский край был единственным регионом с общим приростом сельского населения (+624), МТП обеспечивали прирост численности сельского населения на 5845 человек, превысивший естественную

Таблица 2. Объем муниципально-территориальных преобразований в сельской местности Дальнего Востока, чел.

	2008 г.	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2018 г.	2019 г.	Сумма, 2008–2019 гг.
ДФО	5683	1478	5436	2451	1359	8933	25340
Приморский край	-	-	-	60	-	2820	2880
Амурская область	861	1478	791	1400	-	-	4530
Магаданская область	-	-	-	991	-	268	1259
Хабаровский край	-	-	2551	-	1359	-	3910
Камчатский край	4167	-	2094	-	-	-	6261
Республика Саха (Якутия)	655	-	-	-	-	-	655
Республика Бурятия*	1453	-15353	-	4189	-	-	0**
Забайкальский край*	1067	-	-	-	-	5845	5845**

Примечание. В таблице указаны субъекты ДВ и годы, где и когда за рассматриваемый период происходили МТП.
* Субъект не входил в состав ДФО до 2017 г.
** Сумма за 2018–2019 гг. – в период вхождения в состав ДФО.
Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

и миграционную убыль населения на 12%. В Приморском крае и Магаданской области объем МТП не компенсировал естественную и миграционную убыль населения, численность сельского населения в данных регионах сократилась.

Интенсивность миграционных процессов

Анализ относительных показателей миграции в сельской местности по субъектам ДФО с 2011 по 2019 год свидетельствует о положительной динамике. Интенсивность миграционного оборота в сельской местности в 2019 году по отношению к 2011 году увеличилась во всех субъектах ДФО, за исключением Еврейской автономной области (ЕАО). В Чукотском АО за рассматриваемый период отмечается самый высокий рост показателя (в 2,5 раза). В 2019 году максимальное значение коэффициента интенсивности миграционного оборота зафиксировано в Магаданской области, минимальное – в Забайкальском крае.

Рост показателя интенсивности миграционного оборота связан с положительной динамикой значений коэффициентов прибытия и выбытия (табл. 3). Во всех субъектах ДФО в 2019 году отмечался рост значения коэффициента прибытия к уровню 2011 года. Максимальные темпы прироста коэффициента зафиксированы в Чукотском АО (3,6 раза). Минимальные значения по прибытию зарегистрированы в Хабаровском крае (темп прироста 11,6%). Темпы прироста коэффициента выбытия ниже показателей по прибытию, что говорит о стабилиза-

ции ситуации и снижении числа выбывающего из региона населения. Снижение коэффициента выбытия в 2019 году к уровню 2011 года отмечалось в четырех субъектах (ЕАО, Амурской и Сахалинской областях, Забайкальском крае). Наиболее высокие темпы прироста по выбытию характерны для Чукотского АО и Камчатского края (79,1 и 52,4 соответственно). Миграционный прирост во всех субъектах округа сохраняет отрицательные значения. Исходя из показателей коэффициентов миграционного прироста в сельской местности в 2011 и 2019 гг., все субъекты ДФО были разделены на три группы: с высоким, средним и низким уровнем коэффициента миграционного прироста. Учитывая сохранение отрицательных значений коэффициента, отметим, что чем значение ближе к нулю, тем ситуация лучше (первый тип регионов с высоким значением коэффициента), и наоборот, чем больше отрицательное значение коэффициента, тем ниже уровень миграционного прироста в регионе (третий тип регионов с низким значением коэффициента). Второму типу присуще среднее значение коэффициента. В 2011 и 2019 гг. Магаданская область характеризовалась низким миграционным приростом, имея максимальные отрицательные значения коэффициента. Во вторую группу со средними значениями коэффициента миграционного прироста в 2011 году входили Республика Саха (Якутия), Сахалинская область и Чукотский АО. В 2019 году указанные три региона перешли в группу с высоким значением коэффициента.

Таблица 3. Показатели миграции в сельской местности по субъектам ДФО, 2011, 2019 гг.

Показатель	Год	Респ. Саха (Якутия)	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская обл.	Магаданская обл.	Сахалинская обл.	ЕАО	ЧАО	Респ. Бурятия	Забайкальский край
КВ	2011	39,4	33,1	44,9	43,4	43,3	93,0	53,2	46,9	35,4	42,5	38,8
	2019	41,3	50,4	51,7	52,4	41,0	107,3	48,0	31,5	63,4	51,9	37,4
	темпы прироста	4,8	52,4	15,1	20,7	-5,3	15,4	-9,8	-32,8	79,1	22,0	-3,7
КПР	2011	14,9	27,0	30,9	41,0	31,1	34,2	28,9	27,8	11,0	28,7	17,8
	2019	33,9	46,2	47,9	45,8	35,6	61,5	43,2	30,1	51,3	49,3	23,6
	темпы прироста	128,2	71,1	55,2	11,6	14,4	80,1	49,4	8,4	364,5	71,6	32,5
МП	2011	-24,6	-6,1	-14,0	-2,4	-12,2	-58,8	-24,3	-19,1	-24,3	-13,8	-21,0
	2019	-7,4	-4,2	-3,7	-6,6	-5,4	-45,8	-4,8	-1,4	-12,1	-2,6	-13,8
	темпы прироста	69,9	30,9	73,4	-179,1	55,7	22,2	80,2	92,8	50,3	81,1	34,4

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Таким образом, в 2019 году лишь Магаданская область входила в группу с низким значением коэффициента, не изменив позицию с 2011 года, остальные 10 субъектов ДФО – в группу с высоким значением коэффициента, то есть миграционная ситуация улучшалась.

Классификация субъектов Дальневосточного федерального округа по динамике естественного и миграционного прироста в сельской местности

По модели Дж. Уэбба [32], исходя из соотношения естественного и миграционного прироста (убыли) населения, может быть выделено 8 типов регионов. В результате применения данной классификации для сельской местности ДФО в 2011 и 2019 гг. всего выделены три типа. В 2011 году были выделены два типа регионов: 1 тип, где миграционная убыль выше естественного прироста, и 2 тип, где миграционная убыль выше естественной убыли.

В 2019 году был определен третий тип, в котором значение миграционной убыли ниже показателя естественной убыли населения, что связано, с одной стороны, с существенным сокращением миграционной убыли населения и сохранением или небольшим ухудшением показателей естественной убыли, с другой.

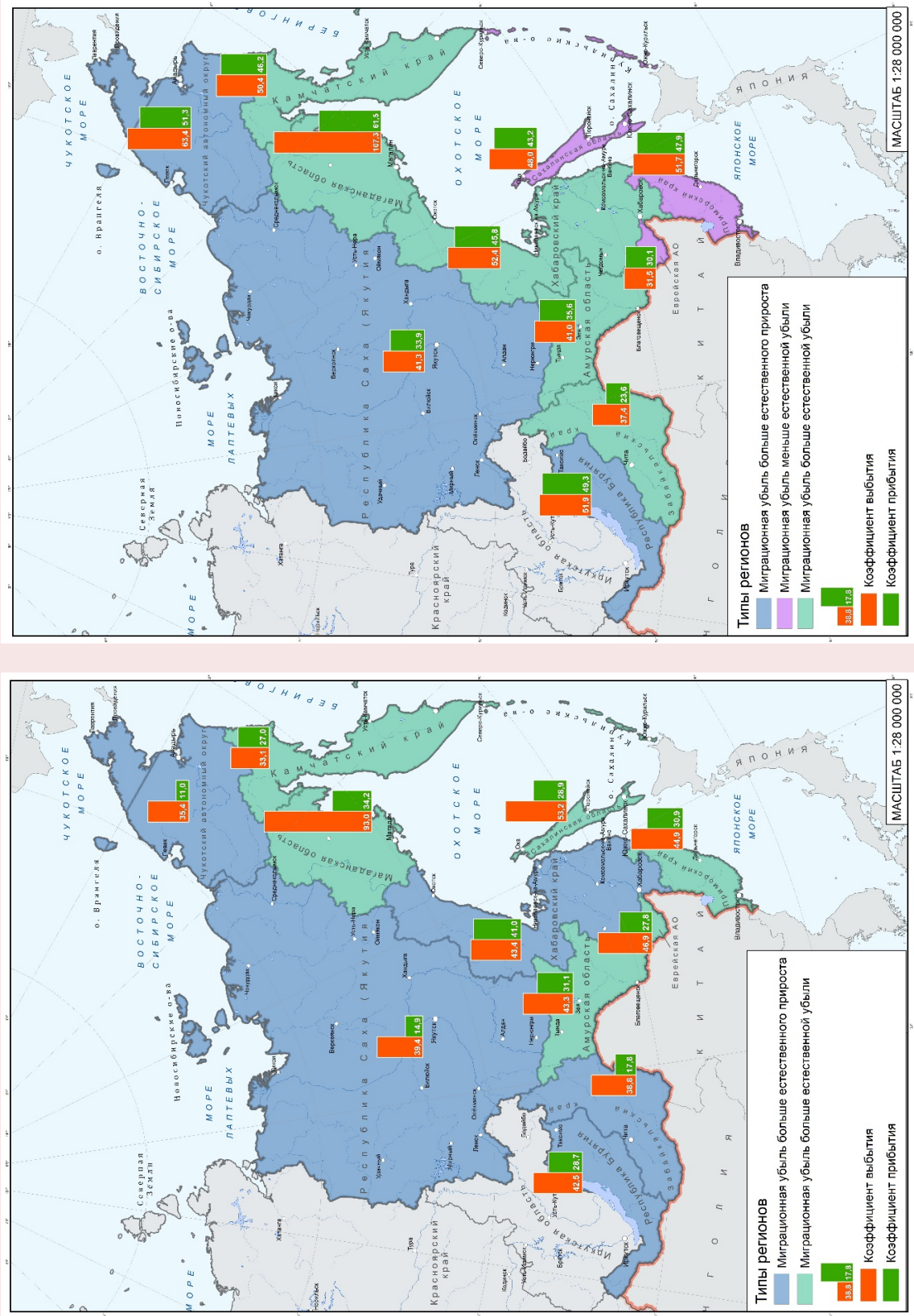
Обозначенные типы получили названия (якутский, магаданский, сахалинский) исходя из распространенности обозначенных процес-

сов в отдельных регионах ДВ. Типичным регионом первого вида является Республика Саха (Якутия), в которой до настоящего времени отмечается положительный естественный прирост населения при отрицательных значениях миграции. К 2019 году число регионов данного типа сократилось из-за формирования в них естественной убыли населения. Он обозначен как «якутский».

Для субъектов второго типа («магаданский») характерно превышение миграционной убыли населения над естественной убылью. Магаданская область является ярким примером данного типа, так как на протяжении рассматриваемого десятилетия в ней сохраняются высокие значения миграционной убыли населения.

Третий тип («сахалинский») сформировался в результате снижения миграционной убыли населения при сохранении устойчивых значений естественной убыли. Для регионов данного типа также характерно «двойное» снижение численности населения, включая миграцию и естественные процессы, при этом основная причина сокращения численности населения – естественная убыль. Такое соотношение показателей чаще отмечалось в Сахалинской области. Классификация субъектов ДФО по динамике демографических показателей в 2011 и 2019 гг. представлена на *рисунке 3*.

Рис. 3. Классификация субъектов ДФО по миграционной и естественной динамике сельского населения, 2011 и 2019 гг.

Таким образом, в отдельных регионах ДФО иссякает миграционная убыль населения при сохранении естественной убыли. Подчеркнем, что мы говорим о сельской местности, где традиционно рождаемость была высокой. Например, в 1990 году в целом по регионам Дальнего Востока зарегистрировано 18,7 рождений на 1000 сельских жителей и 14,4 рождений на 1000 городских жителей, в 2019 году данный показатель снизился до 11,9 и 9,8 соответственно. Снижение числа рождений в сельской местности составило 36,4%, в городской – 25%.

Причины миграции

Как мы отмечали ранее, основная доля мигрантов сельской местности перемещается в рамках ДВ. В работе на основе статистического подхода проведен анализ мотивов миграции сельского населения на ДВ России в 2019 году.

Обращает на себя внимание высокий процент доли населения с указанием причины «возвращение после временного отсутствия». Напомним, что начиная с 2011 года в статистический учет долгосрочной миграции населения включены лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания. Снятие с регистрационного учета в этом случае осуществляется автоматически.

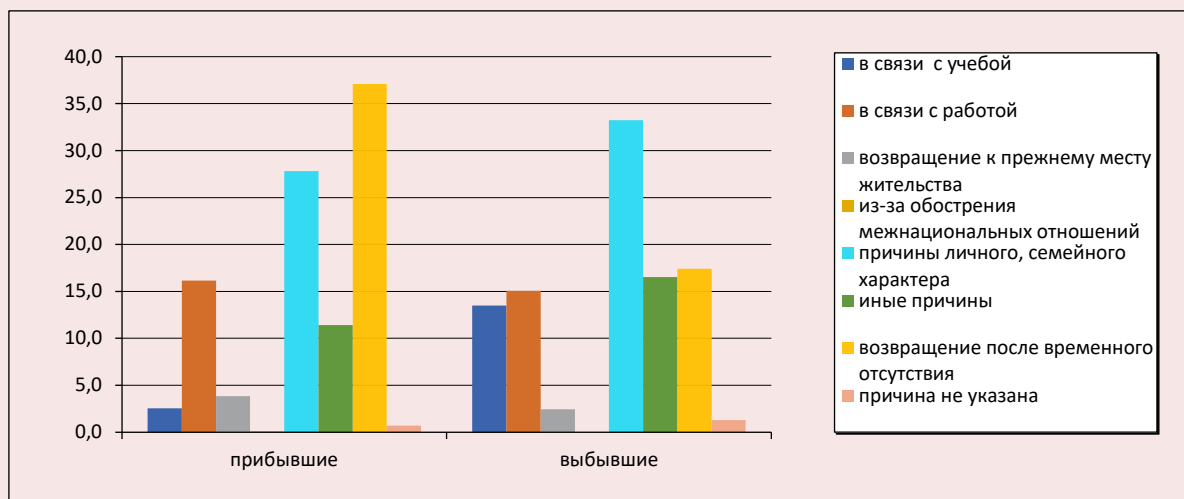
Определить истинные причины миграции населения с указанием «возвращение после временного отсутствия» и классифицировать их по экономическому, социальному и другим факторам не представляется возможным.

В целом для Дальнего Востока в 2019 году среди выбывшего сельского населения 17% учтены автоматически по причине «возвращение после временного отсутствия», среди прибывшего сельского населения – 37%. Принимая во внимание, что вероятность непосредственно самого факта миграции населения, попадающего под данную причину, невысока, можно предположить, что поток прибывающих в сельскую местность мигрантов ниже значений, указанных в официальных статистических источниках.

Среди прочих причин миграции сельского населения существенна доля лиц, сменивших место жительства в связи с учебой, работой, причинами личного характера.

Значимость указанных причин в потоках прибывающих и выбывающих мигрантов не идентична (рис. 4). Выбывают мигранты (по убыванию) по причинам личного и семейного характера, из-за возвращения после временного отсутствия, иных причин (чаще всего, это причины приобретения жилья) и в связи с работой. Около 80% мигрантов, выбывающих в

Рис. 4. Распределение мигрантов в сельской местности ДФО по обстоятельствам, вызвавшим смену места жительства, 2019 г., %

Составлено по: данные Росстата.

связи с возвращением после временного отсутствия, перемещаются в пределах России. Среди зарубежных стран, в которые отправлялись мигранты, Узбекистан (15,6%), Украина (15%), Армения и Таджикистан (по 12,4%), Киргизия (11,1%).

В разрезе регионов ДВ наиболее высокие значения доли выбывающих мигрантов по причине возвращения после временного отсутствия (более 30% от общего числа мигрантов, указавших причины) отмечаются в Камчатском крае и Сахалинской области. Кроме того, Камчатский край – единственный регион, где доля данной категории мигрантов из России ниже 50% от общего числа мигрантов, международные мигранты составили 54,4%, в том числе из стран СНГ – 97,8%. По странам выбытия лидируют Армения (34% от общего числа мигрантов из СНГ), Киргизия (31%) и Узбекистан (13%). Отметим, что Камчатский край в целом отличается от других дальневосточных регионов высокой долей международных мигрантов из стран СНГ. В Сахалинской области доля внутрироссийских мигрантов, возвращающихся после временного отсутствия, составила 76,1%, в рамках международной миграции 25% выбыли в Украину, 18,4% – в Таджикистан.

Максимальная доля мигрантов, выбывших в связи с работой, зарегистрирована в Чукотском АО и Камчатском крае (100% в пределах России).

У прибывших в сельскую местность ДФО мигрантов первое место занимает причина «автоматический учет мигрантов», возвратившихся после временного отсутствия. На втором месте находятся причины личного или семейного характера. Территориальный анализ потоков прибывших «после временного отсутствия» мигрантов показал, что в 7 из 11 субъектов более 50% занимают внутрирегиональные миграции. Минимальные значения внутрирегиональной миграции зафиксированы в ЕАО (29%), доля мигрантов из Хабаровского края в ней составила 41%. Такая ситуация объясняется высокой долей населения области, выезжающего на работу в соседний Хабаровский край.

Относительно числа мигрантов, прибывших в связи с работой, Сахалинская область лидирует по доле международных мигрантов (53,3%), что объясняется привлечением большого чис-

ла специалистов из-за рубежа для работы в нефтяной и газовой отраслях. В других субъектах округа доля международных мигрантов значительно ниже 50%, максимального значения она достигает в Чукотском АО (5,1%).

Минимальные значения внутрирегиональных перемещений российских граждан в связи с работой отмечались в Чукотском АО (15%), что отражает преобладающее число трудовых мигрантов, прибывающих из других регионов России. Схожая ситуация сложилась в Сахалинской области, Камчатском крае и Магаданской области (28, 28 и 34% внутрирегиональных мигрантов). Обращают на себя внимание высокие значения внутрирегиональной миграции в связи с работой в Республике Саха (Якутия) – 92%. Это может быть связано с различиями в уровне экономического развития районов республики.

Дискуссия

В качестве важного условия при решении управленческих задач по регулированию (или попытке регулирования) миграционной активности населения можно рассматривать наличие более корректной и точной оценки причин миграции населения.

Чтобы понять процесс миграции, необходимо разобраться в том, что заставляет человека стремиться к переселению и каковы необходимые для этого условия [33, с. 102]. На наш взгляд, до сих пор остается актуальной точка зрения, высказанная В.В. Оникиенко и В.А. Поповкиным в 1973 г.: «В миграции сельского населения важную роль сохраняет неудовлетворенность сельским образом жизни: условиями сельскохозяйственного труда и оторванностью от достижений современной цивилизации, которая усиливается в результате расширения средств коммуникации» [34, с. 11].

Перефразируя тезис Т.И. Заславской и Л.П. Ляшенко о намерениях населения уехать, отметим, что решение уехать или остаться жить в населенном пункте тесно «связано с мнением людей о том, что ждет его в будущем (будет ли он развиваться, «стоять на месте», или ликвидироваться)» [35, с. 45]. То есть ориентация на миграцию не является «прямым» ответом на внешние условия, а выступает как «субъективное преломление внешних факторов в непосредственном опыте личности» [30, с. 163].

Во втором десятилетии XXI в. интенсивность оттока населения с Дальнего Востока сократилась, однако вполне вероятно, что продолжится сокращение числа населенных пунктов с небольшой численностью жителей и концентрацией их в городах или на близко расположенных территориях [4]. Отдельно можно выделить возможность создания или восстановления населенных пунктов, выступающих местом проживания для сотрудников проектов, реализуемых в рамках территорий опережающего развития (ТОР). В итоге экономический фактор может оказать положительное влияние на миграционные процессы в сельской местности. Однако с большей долей вероятности можно говорить о формировании притока трудовых мигрантов, нежели постоянного населения.

При этом общероссийские тенденции, выражающиеся в прямой взаимосвязи миграционного оттока с разреженностью заселения территории [36], скорее всего, будут сохраняться в сельской местности ДФО.

Несмотря на наличие региональных особенностей, причины миграции из сельской местности ДФО совпадают с причинами в европейских регионах страны [37]. Низкий уровень и качество жизни населения, уступающие городским показателям, инфраструктурная необустроенность, ограниченные возможности для образования и культурного развития населения, возможности трудоустройства с соответствующим доходом выступают главными факторами миграции [38; 39]. В социологических опросах сельские жители Республики Бурятия в качестве причин миграции из сельской местности отмечают низкий уровень жизни и социальной инфраструктуры, низкое качество образовательных, медицинских услуг, сокращение производственного сектора. Похожая ситуация складывается в Еврейской автономной области [40].

Соглашаясь с точкой зрения В.И. Переведенцева о том, что количество рабочих мест во многом определяет количество жителей в населенном пункте [31, с. 102], предполагаем, что для дальневосточных регионов РФ надежду на закрепление сельского населения и развитие сельской местности дает реализация мероприятий Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства

Российской Федерации от 02.02.2015 г. № 151-р. Повышение качества жизни в сельской местности субъектов ДФО, вероятно, позволит снизить миграционный отток населения. При этом уровень развития сельской местности в отдельных регионах различается.

В большинстве дальневосточных субъектов в постсоветский период происходило сокращение числа сел. Региональные органы власти ведут работу по переселению жителей из официально ликвидированных поселков. В каждом субъекте разрабатываются свои программы по решению данного вопроса, кроме того, осуществляется финансовая поддержка на федеральном уровне. При этом Республика Саха (Якутия) является одним из немногих регионов, где села не ликвидировали. В ней ведется работа по сохранению сел. В 2021 году в рамках программы «Движение добрых дел» предусмотрен 1 млрд рублей на развитие сельской местности⁴.

Другой пример развития сельской местности отражает результат реализации программы «Дальневосточный гектар». В Хабаровском крае на площади около 200 га возникло новое село Дальневосточное. Оно образовано в результате объединения компактно размещенных земельных участков, предоставленных по программе. Село входит в действующее сельское поселение, где действует старая школа и нет ФАПа. В настоящее время эти вопросы обсуждаются. Очевидно, что для закрепления жителей в данном сельском поселении необходимо улучшать уровень образовательных и медицинских услуг⁵.

Предполагаем, что положительное влияние на развитие сельской местности могут оказать проекты в рамках территорий опережающего социально-экономического развития. С 2015 года в регионах округа зарегистрировано 20 ТОРов, на территории которых заявлены проекты в промышленности и сельском хозяй-

⁴ Затянувшееся переселение // Российская газета — Экономика Дальнего Востока. № 35 (8386). 18.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/18/reg-dfo/kak-na-dalnevostoke-podhodiat-k-likvidacii-opustevshih-sel-i-dereven.html> (дата обращения 10.04.2021).

⁵ В Хабаровском крае для села на «дальневосточных гектарах» просят построить школу и ФАП. 11.03.2021. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/v-khabarovskom-krae-dlya-sela-na-dalnevostochnykh-gektarakh-prosyat-postroit-shkolu-i-fap-1030171167> (дата обращения 10.04.2021).

стве, логистике и др. Проекты реализуются в городской и сельской местности. В то же время необходимо учитывать опыт европейских регионов России, показавший, что работа агрохолдингов в сельской местности зачастую приводит к усилению поляризации, фрагментации сельского хозяйства и возрастанию оттока местных жителей из экономически неблагополучных районов [41]. Так как рост показателей социально-экономического развития сельской местности в результате реализации данных проектов в ДФО не очевиден, то перспективным направлением в исследовании сельской местности макрорегиона будет оценка влияния реализуемых проектов на показатели сельской местности и сельского населения.

Развитие сельской местности во многом было связано с состоянием сельского хозяйства. Миграция сельского населения вносит коррективы в характер сельскохозяйственной занятости населения в ДФО. С одной стороны, в регионах ДФО действуют те же принципы, которые характерны для центральных сельскохозяйственных районов: сохраняется низкий уровень заработной платы, происходит модернизация производства, снижается трудоемкость в сельском хозяйстве [7]. С другой стороны, в некоторых регионах ДВ распространена практика привлечения международных трудовых мигрантов в сельское хозяйство, что решает проблемы нехватки трудовых ресурсов и снижения экономических издержек, но может усугублять ситуацию в сельской местности [42]. В 2020 году заметна зависимость сельского хозяйства (сельской местности) от потоков международной трудовой миграции. Ярким примером является Еврейская автономная область, где сохраняется сокращение численности сельского населения, в том числе из-за миграционной убыли, однако посевные площади увеличиваются, иностранные инвесторы готовы финансировать свои проекты в сельском хозяйстве. В 2020 году на весенние полевые работы в ЕАО планировалось привлечь около 1,3 тыс. трудовых мигрантов из КНР. Из-за карантина квоты на привлечение иностранной рабочей силы не были востребованы. Возможность замены иностранных работников местными специалистами может рассматриваться лишь частично.

Заключение

В рамках демографического подхода показано, что сельская местность ДФО неоднородна и различается динамикой, предпосылками и следствиями миграционных процессов. Несмотря на очевидные региональные различия, на начало 2020 года в округе сохраняется миграционная убыль сельского населения при увеличении интенсивности миграционных процессов.

В исследовании предложен и апробирован подход к оценке миграционной ситуации в сельской местности региона с учетом абсолютных и относительных показателей миграции, позволяющий провести анализ внутри- и межрегиональных изменений.

Разработана классификация субъектов РФ в ДФО по модели Дж. Уэбба на основе показателей демографических процессов с учетом естественного и миграционного прироста. Отмечено формирование в 2019 году третьего типа регионов, характеризующегося превышением естественной убыли населения над миграционной, что не отмечалось в 2011 году.

В отличие от предыдущих исследований в работе в динамике с 2008 по 2019 год учтен фактор муниципально-территориального преобразования при оценке формирования численности сельского населения в дальневосточных субъектах РФ.

Анализ мотивов прибытия и выбытия мигрантов в разрезе субъектов ДФО отражает региональные различия в миграционных процессах, что связано с уровнем жизни населения, спецификой отраслевой структуры рынка труда, географическими особенностями рассматриваемых территорий.

Выявлена роль административного фактора в изменении динамики и направлений миграционных процессов в сельской местности в контексте реализации региональных и федеральных программ развития сельских территорий.

В результате проведенного исследования показана роль учета региональных особенностей развития сельской местности в субъектах ДФО. При этом более эффективным может быть проведение сравнительных межрегиональных исследований, позволяющих выявить общие направления и различия территорий

в рамках округа. Полноценную информацию о взаимосвязи демографических, социально-экономических характеристик и объективных данных о причинах миграции населения можно получить, дополняя официальные статистические данные результатами анкетных и экспертных обследований. При этом регулирование

миграций должно составлять единый процесс с планированием социально-экономического развития регионов и региональной дифференциацией условий и уровня жизни населения. В противном случае будет сохраняться несоответствие в планах развития регионов и направлениях миграционных потоков.

Литература

1. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124.
2. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35–40. DOI: 10.12737/article_59007e9adba372.94662480
3. Mishchuk S.N. General characteristics and regional differences of migration processes in the Russian Far East in the Post-Soviet period. *Reg. Res. Russ*, 2020, vol. 10, pp. 86–96. DOI: 10.1134/S2079970520010074
4. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
5. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
6. Суший С.Я. Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX – начало XXI вв.) // Село России. 2019. № 2. С. 5–28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28
7. Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 58–67.
8. Gudaj R.T., Yi F., Arefeva V.A., Yanbykh R.G., Mishchuk S.N., Potenko T.A., Zhou J., Zuenko I.Yu. Chinese farmers in the Russian Far East and local rural development. *The American Journal of Economics and Sociology*, 2020, vol. 79, iss. 5, pp. 1511–1551. DOI: 10.1111/ajes.12365
9. Jiayi Zhou Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, vol. 1:5, pp. 612–632. DOI: 10.1080/23802014.2016.1327795
10. Horstmann A., Saxer M., Rippa A. *Routledge Handbook of Asian Borderlands*, 2018. 462 p.
11. Егоров Д.О., Шурупина В.С. Сельское расселение России: типология территорий по людности сельских населенных пунктов // Региональные исследования. 2018. № 4 (62). С. 4–16. (in Russ.)
12. Horie N. The positionality of Russia's Far East border regions. *Problems of Economic Transition*, 2017, vol. 59 (10), pp. 753–767. DOI: 10.1080/10611991.2017.1416835
13. Chukwuedozie K. Ajaero, Patience C. Onokala. The effects of rural-urban migration on rural communities of Southeastern Nigeria. *International Journal of Population Research*, vol. 2013. DOI: 10.1155/2013/610193
14. Wang C., Zhang Y., Yang Y., Yang Q., Hong J. What is driving the abandonment of villages in the mountains of Southeast China? *Land Degrad Dev*, 2019, vol. 30, pp. 1183–1192. DOI: 10.1002/ldr.3303
15. Sagynbekova L. Environment, rural livelihoods, and labor migration: A case study in Central Kyrgyzstan. *Mountain Research and Development*, 2017, vol. 37 (4), pp. 456–463. DOI: 10.1659/MRD-JOURNAL-D-17-00029.1
16. Akash Saha M.M., Adhikary S.K., Acharya Mishra G.C. *Migration in Agriculture the Realm and Reality*. Krishi Sanskriti Publications, 2019. 223 p.
17. Shaw R.P. Land tenure and the rural exodus in Latin America. *Economic Development and Cultural Change*, 1974, vol. 23 (1), pp. 123–132.
18. Siciliano G. Rural-urban migration and domestic land grabbing in China. *Popul. Space Place*, 2014, vol. 20, pp. 333–351. DOI: 10.1002/psp.1830
19. Xiao W., Zhao G. Agricultural land and rural-urban migration in China: A new pattern. *Land Use Policy*, 2018, vol. 74, pp. 142–150. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.05.013

20. Liu Z. Human capital externalities and rural–urban migration: Evidence from rural China. *China Economic Review*, 2008, vol. 19, pp. 521–535.
21. Bjarnason T., Edvardsson I.R. University pathways of urban and rural migration in Iceland. *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 54, pp. 244–254. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2017.07.001
22. Buchenrieder G., Duffhues T., Möllers J., Runschke D., Sagyndykova G. Return to the countryside: The return intentions of highly educated young people in the Akmola province of Northern Kazakhstan. *Population, Space and Place*, 2020, vol. 26, iss. 2, pp. 1–14. DOI: 10.1002/psp.2273 (in English)
23. Shuangshuang Tanga, Pu Naob. The return intentions of China’s rural migrants: A study of Nanjing and Suzhou. *Journal of Urban Affairs*, 2019, vol. 41, no. 3, pp. 354–371. DOI: 10.1080/07352166.2017.1422981
24. Воспроизводство трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Республики Саха (Якутия) / Г.И. Даянова [и др.] // *International Agricultural Journal*. 2020. Т. 63. № 2. С. 67–77. DOI: 10.24411/2588-0209-2020-10152
25. Корякина Е.В., Тужилина Е.Н. Проблема сельских кадров как ресурса модернизации (на примере юга Дальнего Востока в годы перестройки) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 3. С. 61–69.
26. Кузьмич Н.П. Строительство в сельской местности как основа повышения роли социально ориентированных направлений развития села Амурской области // *Вестник КрасГАУ*. 2011. № 5. С. 3–7.
27. Сукнева С.А., Трубина А.В. Внутрирегиональная сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 32 (125). С. 139–144.
28. Гусев Е.Г., Шуман Г.И. Перспективные направления развития предпринимательства в сельской местности Приморского края в новых экономических условиях // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11-2. С. 378–386.
29. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 191 с.
30. Долбик-Воробей Т.А., Воробьева О.Д. Статистика населения и демография. М.: КНРОУС, 2018. 314 с.
31. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
32. Webb J. The natural and migration components of population changes in England and Wales, 1921–1931. *Economic Geography*, 1963, vol. 39, no. 2, pp. 130–148.
33. Методологические вопросы изучения социальных процессов: сб. научн. трудов / под ред. акад. А.Г. Аганбегяна, чл.-корр. АН СССР Т.И. Заславской. Новосибирск: ИЭиОПН СО АН СССР, 1974. 301 с.
34. Оникиенко В.В., Поповкин В.А. Комплексное исследование миграционных процессов. Анализ миграций населения УССР. М.: Статистика, 1973. 159 с.
35. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы / А.Ю. Ардальянова [и др.] // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 3 (54). С. 69–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/69-76
36. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99.
37. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Известия РАН. Серия географическая*. 2016. № 5. С. 46–59. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-5-46-59
38. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // *Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов*. 2018. № 7. С. 1–12.
39. Калинина И.В. Социальная инфраструктура как потенциал развития сельских территорий: от прошлого к настоящему // *Региональные проблемы*. 2020. Т. 23. № 2. С. 39–46. DOI: 10.31433/2618-9593-2020-23-2-39-46
40. Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Социально-экономические факторы миграционных процессов в Магаданской области // *Региональные проблемы*. 2015. Т. 18. № 3. С. 23–34.
41. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. DOI: 10.14530/se.2019.4.036-056
42. Мишук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2016. № 1. С. 38–48. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-1-38-48

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Мишук – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Сергей Васильевич Рязанцев – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: riazan@mail.ru)

Mishchuk S.N., Ryazantsev S.V.

Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century

Abstract. Nearly a quarter of the population of the Far Eastern Federal District, which occupies 40.6% of Russia's area, lives in rural territories. It is obvious that rural population and its migration mobility have territorial differences in such a large region. The purpose of the study is to conduct a spatial and temporal analysis of dynamics and factors of migration processes in rural areas of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation. The work is based on the analysis of official statistical data. Since structural characteristics of migration flows are likely to change because of using a new methodology for accounting internal migration since 2011, we consider the period from January 2012 to January 2020. The authors show that migration is crucial for the formation of rural population. At the beginning of 2020, there was an increase in the intensity of migration processes in the district's rural areas, but the population's migration decline remains. Most migrants from rural areas settle in the Far Eastern Federal District – often, in towns. The flow of migrants from the town to the village retains statistical significance but does not correspond to the territorial structure of the migration outflow of rural residents. Based on the ratio of migration and natural population decline (growth), the authors developed a classification of rural areas in the subjects of the Far Eastern Federal District for 2011 and 2019. We analyze the reasons for the arrival and departure of rural population. Most migrants arrive after a temporary absence and leave for personal and family reasons. The authors show the influence of the dynamics of migration processes on the development of rural areas and agriculture in the context of a shortage of labor resources and restrictions on international movements of labor immigrants using a case study of the border region.

Key words: rural population, rural area, migration, rural typology, migration components, migration coefficients, Far East.

Information about the Authors

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Sergei V. Ryazantsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: riazan@mail.ru)

Статья поступила 04.03.2021.